

УДК 332.05+332.1

Регион: экономика и социология, 2019, № 1 (101), с. 23–46

В.А. Барина, С.П. Земцов

ИНКЛЮЗИВНЫЙ РОСТ И УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье представлена методика оценки инклюзивного роста в регионах России путем построения комплексного индекса. Мы стремились понять, насколько экономический рост, основанный на высоких ценах на энергоресурсы, в течении нескольких лет привел к сглаживанию неравенства, сокращению бедности и снижению экологической нагрузки в регионах и каковы тенденции в последние годы. Выявлено, что ряд развитых регионов, например Ленинградская, Тюменская, Калужская, Воронежская, Московская области, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, с 1998 по 2016 г. существенно улучшили свои показатели, особенно в сфере увеличения долголетия, повышения доходов населения, снижения экологической нагрузки. Но в период с 2012 по 2015 г. значение индекса инклюзивного роста в России уменьшилось до уровня 2007 г., а его дифференциация между регионами резко возросла. Результаты десятилетней работы по повышению устойчивости и равномерности регионального развития оказались частично обнулены. В 2016 г. значение индекса восстановилось до уровня 2011 г. Для обоснования политических рекомендаций важно, что регионы, где экономический рост сопровождался положительными экстерналиями в социальную и экологическую сферы, оказались более устойчивыми к внешним шокам. Разработанный индекс может в дальнейшем использоваться для комплексной оценки социально-экономического развития регионов с точки зрения устойчивости и инклюзивности.

Ключевые слова: устойчивое развитие; социальное развитие; экологическое развитие; неравенство; устойчивость; доходы населения

В рейтинге Всемирного экономического форума (ВЭФ) по индексу инклюзивного развития (Inclusive Development Index, IDI), представленном в январе 2017 г.¹, Россия заняла 13-е место среди 78 развивающихся стран, а в рейтинге 2018 г. опустилась на 19-е место, хотя по уровню валового внутреннего продукта на душу населения она занимает в той же группе более высокое 9-е место². Это может быть свидетельством того, что преимущества экономического роста не в полной мере используются всеми представителями общества, а это, в свою очередь, может вести к неустойчивости их развития, к уязвимости по отношению к социальным и иным рискам в будущем³.

Большая территория России и разнообразие природно-хозяйственных условий обуславливают сильную региональную дифференциацию. Экономический рост значительного числа регионов основан на извлечении природной ренты, что не всегда ведет к повышению истинного благополучия населения, решению экологических проблем, а соответственно, к устойчивому развитию. Как показывает опыт кризиса 2008–2009 гг., многие регионы, не имевшие достаточных запасов полезных ископаемых (Новгородская, Воронежская, Саратовская, Ульяновская, Тамбовская области и др.), демонстрировали большую стабильность и устойчивость к кризисным явлениям [8].

В литературе способность регионов противостоять внешним шокам связывают с уровнем диверсификации экономики, человеческим потенциалом, силой взаимодействия между экономическими

¹ См.: *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. – URL: <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2017/>.

² См.: *The Inclusive Development Index 2018*. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.

³ Есть мнение, что нарастание рисков (природных, технологических, социальных) и будущей неопределенности привело к популяризации терминов «устойчивость» (от англ. *resilience* – «упругость») и «уязвимость» (от англ. *vulnerability*) [23]. Если в 1980–1990-е годы основным лозунгом комплексных социально-экономических исследований было «устойчивое развитие» (от англ. *sustainability*), связанное с неистощимым природопользованием, самоподдерживаемым развитием не в ущерб будущим поколениям, то в 2000–2010-е годы эту функцию выполняет «устойчивость», «стабильность» как способность противостоять внешним шокам и восстанавливаться от них.

агентами и наличием наиболее подверженных кризису секторов [13; 15; 19; 20]. Но при этом практически нет работ, связывающих напрямую стабильность развития региона с качеством экономического роста в предыдущие периоды, т.е. с тем, насколько рост способствовал повышению уровня жизни населения, снижению социальных и экологических рисков, а в итоге с тем, насколько такой рост можно считать самоподдерживаемым и устойчивым (от англ. sustainable).

Цель настоящей работы – количественно оценить динамику регионального развития в России с учетом обеспечения инклюзивного роста, улучшающего положение всех членов общества, включая наиболее уязвимые группы населения и будущие поколения. Согласно исходной гипотезе мы предполагали, что высокие цены на энергоресурсы и другие полезные ископаемые в целом способствовали инклюзивному росту [7], но ряд сырьевых регионов (Республика Коми, Республика Карелия, Мурманская, Оренбургская области и др.), имея высокие темпы экономического роста, при этом демонстрировали более низкие темпы сокращения неравенства и снижения экологической нагрузки. Это, в свою очередь, привело к их высокой уязвимости к внешним шокам в 2010-е годы.

В первой части статьи рассматриваются различные методики оценки устойчивого развития, объясняется, почему традиционный индикатор экономического развития – ВРП на душу населения не может в полной мере использоваться для этих целей. Во второй части описано, каким образом методика построения индекса инклюзивности ВЭФ была адаптирована для анализа регионального развития России. В третьей части обсуждаются полученные результаты и их соответствие выдвинутым гипотезам.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ: ПОЧЕМУ ВВП – НЕ ЛУЧШИЙ ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЧЕМ ЕГО ЗАМЕНИТЬ

Долгое время основным критерием развития стран и регионов был экономический рост, измеряемый приростом валового внутреннего (или регионального) продукта в различных его модификациях. Одна-

ко с конца 1970-х годов с ростом актуальности проблем защиты окружающей среды постепенно распространяется концепция устойчивого развития. Определяющий вклад в ее формирование внес Д. Медоуз в докладе Римскому клубу «Пределы роста», впервые поставив вопрос об оптимальных сценариях развития человечества⁴. К сожалению, ввиду специфики перевода слова «sustainable» на русский язык в России и сейчас встречаются самые разные трактовки обозначаемого им понятия, вплоть до «равномерного экономического роста», «постоянного прироста ВВП», что освещает лишь один аспект устойчивости, но не учитывает социальную интеграцию и охрану окружающей среды. Но по сути своей устойчивый рост предполагает удовлетворение потребностей текущего поколения без ущерба для будущих, т.е. он не должен вести к росту неравенства, истощению природных ресурсов и повышению уровня загрязнения⁵.

В 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция, сформировавшая повестку в области устойчивого развития до 2030 г.⁶ В ней сформулированы 17 целей устойчивого развития (ЦУР), каждой из которых соответствуют определенные задачи (всего 169) и индикаторы (более 230). Поставленные цели учитывают экономический рост (цель 8), индустриализацию, внедрение инноваций и развитие инфраструктуры (цель 9), ликвидацию нищеты (цель 1), улучшение здоровья (цель 3), повышение уровня образования (цель 4) и сокращение неравенства (цели 5, 10), обеспечение доступа к чистой воде (цель 6), использование возобновляемых энергоисточников (цель 7) и сохранение экосистем (цели 12–15)⁷. В резолюции закреплено, что «цели и за-

⁴ См.: *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1>. См. также [9].

⁵ См.: *Inclusive growth* (2014). OECD. – URL: https://www.oecd.org/mcm/IG_MCM_ENG.pdf.

⁶ См.: *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*.

⁷ См.: *Цели в области устойчивого развития, ООН*. – URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

дачи должны быть достигнуты в интересах всех стран и народов и всех слоев общества... в первую очередь самых отстающих»⁸.

Традиционно измеряемый с помощью индикатора «ВВП» экономический рост охватывает лишь несколько ЦУР, не учитывая большинства. При этом он не всегда отражает реальный уровень прогресса [11]. Сегодня существует множество альтернативных подходов к оценке развития: используются индекс человеческого развития [3; 24], индекс зеленого роста [1; 10; 17; 18], генеральный индикатор прогресса [18], индекс удовлетворенности жизнью [21], индекс экономики знаний [16] и многие другие [5]. В последние годы опубликовано несколько докладов международных и российских организаций, посвященных теме инклюзивного развития: доклады Международного валютного фонда [12], Организации экономического сотрудничества и развития [13], Всемирного банка [22], Аналитического центра при Правительстве РФ [2].

Инклюзивный рост, согласно представлениям экспертов ВЭФ, должен содействовать развитию наиболее уязвимых групп населения в настоящем, а также учитывать потребности будущих поколений⁹, т.е. напрямую связан с ЦУР. В докладе ВЭФ был представлен соответствующий инструмент для оценки – индекс инклюзивного развития, который предполагает ежегодную оценку развития более 100 стран мира¹⁰. Индекс оценивает три составляющие: рост и развитие, инклюзивность, межпоколенческое равенство и устойчивость.

Страны ранжируются исходя из текущего уровня их инклюзивного развития, также дается оценка динамики качества жизни за последние 5 лет. Ранжирование производится отдельно для развитых и для развивающихся стран. В 2018 г. в списке лидеров преимущественно небольшие развитые страны Европы – Норвегия, Исландия, Люксембург, из крупных развитых стран – Австралия, Германия, Новая Зеландия. Россия входит в группу развивающихся стран, в которой занимает довольно скромное 19-е место, сразу после Турции, Таиланда

⁸ См.: *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*.

⁹ См.: *The Inclusive Growth and Development Report 2017*.

¹⁰ См.: *The Inclusive Development Index 2018*.

и Алжира, обгоняя Парагвай и Доминиканскую Республику. Лидеры списка развивающихся стран – Литва, Венгрия, Латвия.

В докладе ВЭФ¹¹ показано, что высокие темпы экономического роста в России в первое десятилетие XXI в. привели к сокращению числа бедных, а доходы у 40% наименее обеспеченных россиян росли быстрее, чем у остальных, но для страны по-прежнему характерно неравномерное распределение доходов. Такой рост можно назвать инклюзивным, но улучшение инвестиционного климата, диверсификация экономики и решение инфраструктурных проблем замедлились в последние годы, что сокращает возможности для развития в будущем. При этом темпы экономического роста существенно опережают показатели сокращения неравенства. Кроме того, несмотря на низкий государственный долг, Россия активно сокращает свои природные ресурсы и не снижает энергоемкость экономики. В целом интегральный индекс России стабилен.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы фактически адаптируем предложенную ВЭФ методику в соответствии с доступностью, надежностью и релевантностью индикаторов для регионов России. В таблице приведены оригинальные индикаторы Inclusive development index и индикаторы, использованные для расчета индекса по регионам России.

Мы исключили индикатор «ВРП на душу населения» из рассчитываемого комплексного индекса. Этот показатель в России сильно искажен: завышены его значения у сырьевых малонаселенных регионов. Кроме того, наша задача состояла в том, чтобы сравнить экономический рост (в нашем случае – ВРП на душу населения и его прирост) с ростом иных показателей развития. Использование двух сильно связанных показателей (ВРП на душу населения и ВРП, отнесенный к численности занятых) также методически неверно, поскольку усиливает влияние индикаторов экономического роста на конечный индекс.

¹¹ См.: *The Inclusive Growth and Development Report 2017*.

**Структура индикаторов международного и российского индексов
инклюзивного развития**

Индикаторы, используемые ВЭФ	Комплексный индекс инклюзивного развития реги- онов России		
	Индикатор	Макс. значение	Мин. значение
<i>Рост и развитие</i>			
ВВП на душу населения, долл. США	—	—	—
Производительность труда (от- ношение ВВП к численности заня- тых), долл. США по паритету покупательной способности	ВРП к среднесписочной числен- ности занятых в ценах 2015 г. с учетом межрегионального ин- декса цен, млн руб.	5	0,1
Занятость (отношение занятых к численности трудоспособно- го населения), %	Занятость (отношение занятых к численности трудоспособно- го населения), %	100	0
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	90	50
<i>Инклюзивность</i>			
Индекс Джини по доходам	Индекс Джини по доходам	1	0
Уровень бедности, %	Уровень бедности (доля населе- ния с денежными доходами ни- же прожиточного минимума), %	100	0
Медианный доход домохо- зяйств, тыс. долл. США	Реальные денежные доходы на- селения в ценах 2015 г. с учетом межрегионального индекса цен, тыс. руб.	50000	1000
Индекс Джини по богатству	—	—	—
<i>Межпоколенческое равенство и устойчивость</i>			
Индекс скорректированных чист- ых накоплений, %	Удельный вес инвестиций в ос- новной капитал в валовом регио- нальном продукте, %	100	0
Демографическая нагрузка, ‰	Демографическая нагрузка (лиц нетрудоспособных возрастов на 1000 чел. трудоспособного возраста), ‰	1000	100

Окончание таблицы

Индикаторы, используемые ВЭФ	Комплексный индекс инклюзивного развития регионов России		
	Индикатор	Макс. значение	Мин. значение
Отношение государственного долга к ВВП, %	Доля собственных доходов в налоговых и неналоговых доходах региона, %	100	0
Выбросы CO ₂ , тыс. т на 1 млрд долл. ВВП	Отношение выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников и автомобильного транспорта, к ВРП, тыс. т на 1 млрд руб.	10	0

Примечание: использованы официальные данные Росстата и Казначейства России.

Блок «Рост и развитие» непосредственно оценивает уровень регионального развития. Производительность труда в данном случае следует рассматривать как индикатор технологического развития регионов: чем она выше, тем выше качество и востребованность продукции, уровень автоматизации производств, квалификация занятых. Показатель занятости необходим для оценки вовлеченности населения в экономические процессы, он отражает возможности трудоустройства как основы для развития домохозяйств и повышения качества жизни. Рост производительности труда в нашем случае не должен вести к снижению занятости населения (на практике часто происходит иначе)¹². Ожидаемая продолжительность жизни – ключевой индикатор человеческого развития [24], отражающий качественные характеристики системы здравоохранения, качество жизни населения.

Блок «Инклюзивность» оценивает социальное развитие региона, т.е. уровень жизни и уровень социального неравенства. Медианный

¹² Более того, современные процессы автоматизации, призванные серьезно увеличить производительность труда увеличивают риски технологической безработицы. Опыт автоматизации ОАО «АвтоВАЗ» в Тольятти, где численность занятых сократилась с 110 до 35 тыс. чел., подтверждает такие опасения, поэтому очень важно учитывать уровень занятости в комплексном индексе.

уровень денежных доходов в регионах доступен не для всего периода, поэтому мы заменили его более простым индикатором денежных доходов с поправкой на разницу цен в регионах. Показатель служит для оценки общего уровня жизни, финансовых возможностей домохозяйств¹³. Уровень бедности позволяет определить долю наиболее уязвимых групп населения в регионе. Индекс Джини по доходам является традиционным индикатором для оценки неравенства, однако индекс Джини по богатству, к сожалению, не рассчитывается для регионов России.

В блоке «Межпоколенческое равенство и устойчивость» рассматриваются показатели, которые измеряют, насколько экономический рост и повышение благосостояния нынешних поколений могут негативно сказываться на следующих поколениях. Индекс скорректированных чистых накоплений показывает инвестиции в человеческий капитал за вычетом расходов природных ресурсов и ущерба от загрязнения, но данные для регионов отсутствуют, поэтому мы заменили их отношением инвестиций к ВРП. Это более общий показатель, демонстрирующий, какая доля добавленной стоимости тратится на вложения в основные средства, т.е. на накопление капитала. Отношение долга к ВВП служит индикатором того, насколько современный рост обеспечивается за счет долга следующих поколений. На региональном уровне в России более приемлемым индикатором является обратный показатель¹⁴ – доля собственных доходов бюджета. Чем ниже эта доля, тем больше регион заимствует из федерального бюджета, занимает на внешних рынках, а соответственно, тем в большей степени снижает свою бюджетную сбалансированность. Уровень текущей демографической нагрузки свидетельствует о повышении давления на

¹³ Мы не использовали оценки заработной платы из-за искажений, связанных с развитием неформального сектора экономики и сокрытием части заработной платы для ухода от налогообложения.

¹⁴ Значения долговой нагрузки в регионах России существенно зависят от структуры долгового портфеля. Но в существующей институциональной системе не очевидны негативные последствия высокой долговой нагрузки: долги реструктурируются, фактически регион не может быть объявлен банкротом. При этом собственные доходы создают условия и возможности для устойчивого саморазвития региона в будущем.

будущие поколения, на которые ляжет бремя по содержанию стариков и младенцев. Отношение выбросов углекислого газа к ВВП позволяет частично измерить вклад страны в глобальное потепление. На региональном уровне схожим индикатором может служить отношение выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников и личного автотранспорта, к ВВП.

В соответствии с подобранными показателями авторами были произведены расчеты комплексного индекса инклюзивного роста (*Inclus1*) для регионов России по формуле:

$$Inclus1_{i,t} = \frac{\frac{GRP_{i,t}}{3} \cdot \frac{Emp_{i,t}}{3} \cdot \frac{Lif_{i,t}}{3} \cdot \frac{Inc_{i,t}}{3} \cdot (1 - Gini_{i,t}) \cdot (1 - Pov_{i,t})}{\frac{Inv_{i,t}}{4} \cdot (1 - Dem_{i,t}) \cdot \frac{Budg_{i,t}}{4} \cdot (1 - Emis_{i,t})} \cdot 3,$$

где i – регион; t – год; GRP – ВВП к среднесписочной численности занятых в ценах 2014 г. с учетом межрегионального индекса цен; Emp – занятость (отношение занятых к численности трудоспособного населения), %; Lif – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; Inc – реальные денежные доходы населения в ценах 2014 г., тыс. руб.; $Gini$ – индекс Джини по доходам; Pov – уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума), %; Inv – удельный вес инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте, %; Dem – демографическая нагрузка (приходится на 1000 чел. трудоспособного возраста лиц нетрудоспособных возрастов), ‰; $Budg$ – доля собственных доходов в налоговых и неналоговых доходах региона, %; $Emis$ – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, к ВВП, тыс. т на 1 млрд руб.

Каждая переменная нормировалась по методу линейного масштабирования (максимальные и минимальные значения в таблице). Отдельно рассчитан комплексный индекс инклюзивности (*Inclus 2*), из которого исключены показатели, непосредственно связанные с ростом экономики – ВВП к численности занятых, доходы населения и инвестиции (GRP , Inc , Inv), чтобы понять, насколько изменилась ситуа-

ция в сферах, не связанных напрямую с результатами развития нефтегазового сектора:

$$Inclus2_{i,t} = \frac{\frac{Emp_{i,t}}{2} \cdot \frac{Lif_{i,t}}{2} \cdot \frac{(1 - Gini_{i,t})}{2} \cdot \frac{(1 - Pov_{i,t})}{2}}{\frac{Dem_{i,t}}{3} \cdot \frac{Budg_{i,t}}{3} \cdot \frac{Emis_{i,t}}{3}} / 3.$$

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На рисунке 1 представлен динамика комплексного индекса инклюзивного роста в России и динамика его субиндексов. С 1999 по 2008 г. в целом наблюдалась положительная динамика всех рассматриваемых индексов, что связано как с эффектом низкой базы (падение в 1990-е годы), так и с объективно благоприятной экономической

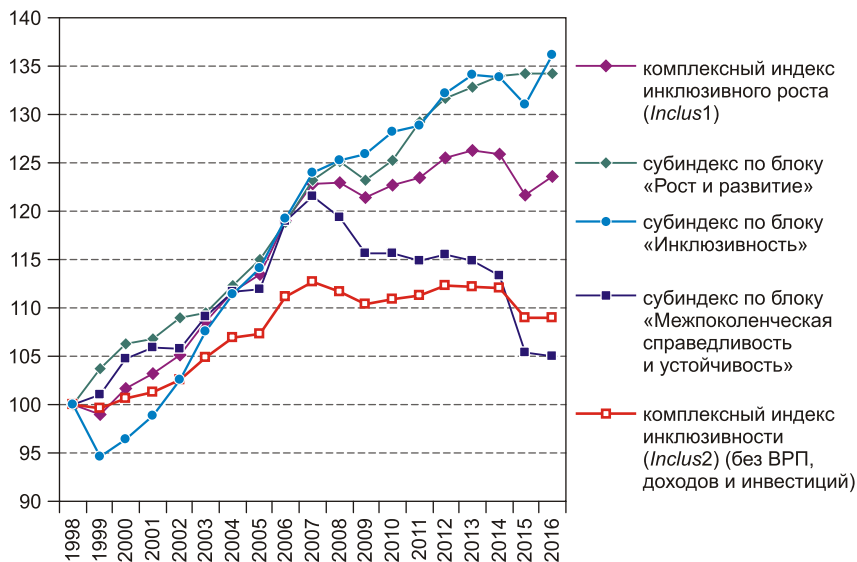

Рис. 1. Динамика комплексного индекса инклюзивного роста и его субиндексов по блокам для России (1998 г. = 100%)

конъюнктурой цен на основные экспортные продукты России (нефть, газ, металлы, лес и т.д.). Однако после 2007 г. большинство индексов показали спад, кроме субиндекса по блоку «Инклюзивность», так как благодаря существенному увеличению межбюджетных трансфертов доходы продолжали расти до 2010 г., а уровень бедности сокращался [7].

Интегральный индекс после 2010 г. рос за счет субиндексов «Рост и развитие» и «Инклюзивность», но в 2014 г. снова началось его падение из-за снижения доходов населения. С 2007 г. наблюдается отрицательная динамика по блоку «Межпоколенческая справедливость и устойчивость» из-за повышающейся демографической нагрузки. Заметим, что в начале 2000-х годов имели место наименьшие оценки по блоку «Инклюзивность», которые удалось повысить благодаря перераспределительной политике государства, в частности благодаря увеличению зарплат в бюджетном секторе.

На рисунке 2 показана динамика индекса инклюзивности (*Inclus2*) без учета характеристик ВРП. Коэффициент корреляции этого индекса с ВРП на душу населения – всего 0,45, но наблюдается нелинейная связь. На определенном этапе существенное увеличение подушевого ВРП уже не приводит к росту индекса инклюзивности, работают иные институциональные механизмы. Сами результаты, не связанные с ростом напрямую, оказались существенно более скромными. Более того, с 2012 к 2015 г. индекс снизился до уровня 2005 г., т.е. фактически

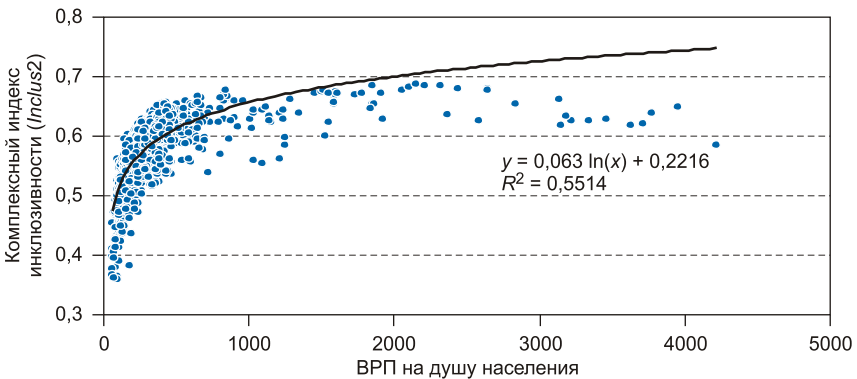

Рис. 2. Зависимость между подушевым ВРП и индексом инклюзивности (*Inclus2*) за весь период 1998–2016 гг.

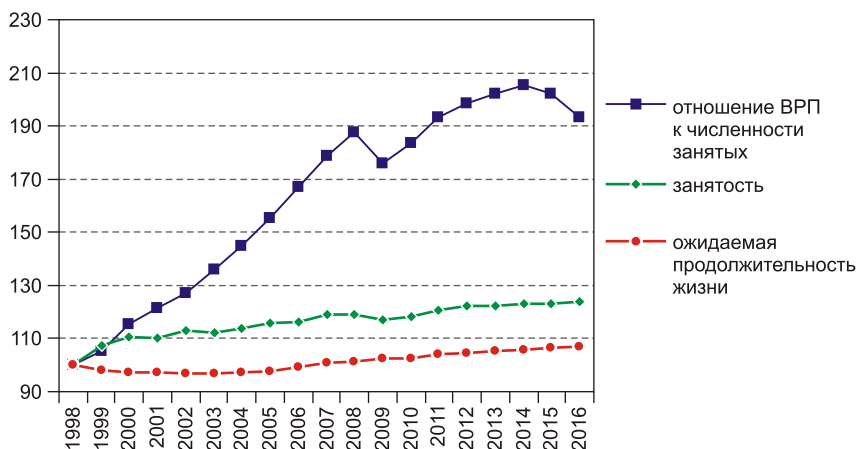

Рис. 3. Динамика индикаторов блока «Рост и развитие» для России (1998 г. = 100%)

ки результаты десятилетней работы по инклюзивности экономического роста в регионах оказались обнулены.

В блоке «Рост и развитие» (рис. 3) относительно устойчивый рост показывает лишь индикатор производительности труда, что связано с высокими ценами на энергоресурсы. Впрочем, и у него наблюдался существенный спад в 2009 г. Занятость снижалась с 2011 г., но несколько выросла в 2016 г. В последние годы рассматриваемого периода производительность труда увеличивалась не только за счет роста региональных экономик, но и за счет сокращения занятости. Особое внимание здесь следует обратить на то, что модель российского рынка труда не предполагает существенного снижения занятости, работники в кризисных условиях часто переводятся на сокращенный рабочий день, поэтому оценки занятости могут несколько сглаживать реальные проблемы в экономике. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) постоянно растет с 2007 г., но существенно меньшими темпами, чем производительность труда. Рост ОПЖ можно считать одним из главных положительных эффектов, связанных с ростом экономики в России.

Для индикаторов блока «Инклюзивность» (рис. 4) характерна схожая ситуация: реальные доходы населения росли до 2013 г., затем на-

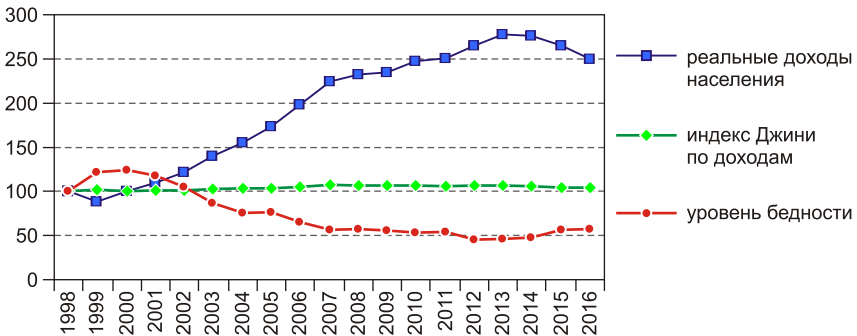

Рис. 4. Динамика индикаторов блока «Инклюзивность» для России (1998 г. = 100%)

чалось снижение. Уровень бедности с 2000 до 2013 г. также снижался, но уже в 2016 г. он вернулся к уровню 2008 г. из-за усиления кризисных явлений в экономике, продолжающегося падения доходов¹⁵. Индекс Джини по доходам в последние годы периода несколько снизился, что связано с падением доходов в наиболее прибыльных секторах экономики, но все еще остается существенно выше показателей начала 2000-х годов. Это говорит о неравномерном распределении выгод от экономического роста 2000-х годов.

Для показателей блока «Межпоколенческое равенство и устойчивость» (рис. 5) характерна негативная динамика в последние годы периода. Накопление капитала уменьшается с 2012 г., что связано с высокими макроэкономическими и геополитическими рисками. Бюджетная обеспеченность собственными доходами на региональном уровне резко снизилась в 2015 г. вслед за снижением активности бизнеса, падением доходов населения. С 2005 г. растет демографическая нагрузка, связанная со старением населения. Отношение выбросов к ВРП уменьшалось вследствие обновления оборудования, смены технологий и возрастания доли сферы услуг, а с 2008 г. при сокраще-

¹⁵ Частично увеличение доли лиц, имеющих доход ниже прожиточного минимума, связано с изменением в 2012 г. расчета потребительской корзины, по которой определяется прожиточный минимум. Впрочем, эти статистические корректировки необходимы ввиду изменения покупательной способности населения, изменения структуры потребления и проч. Корректировки проводятся раз в 5 лет.

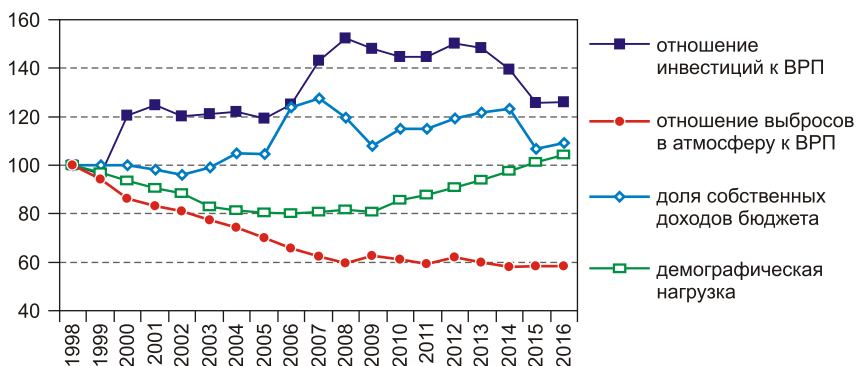

Рис. 5. Динамика индикаторов блока «Межпоколенческая справедливость и устойчивость» для России (1998 г. = 100%)

нии ВРП увеличивалось количество выбросов от личного автотранспорта. С 2013 г. значение этого показателя снижается: продолжается сокращение промышленных выбросов и замедляется рост выбросов от личных автомобилей.

Для Российской Федерации индекс инклюзивного роста в 2015 г. составил 0,53, в 2016 г. он несколько вырос – до 0,54. Межрегиональный коэффициент вариации индекса снижался до 2011 г., когда тренд сменился на положительный. Иными словами, перераспределительная бюджетная политика, проводившаяся ранее, работала на сокращение разрыва между регионами до 2011 г. В 2016 г. коэффициент вариации достиг наименьших значений за весь период.

Лидерами по значению индекса в 2016 г. стали регионы с крупнейшими агломерациями (рис. 6): г. Москва (0,58), г. Санкт-Петербург (0,58), Республика Татарстан (0,58), Московская область (0,57) и высокодоходные нефте- и газодобывающие центры – Ямало-Ненецкий (0,69), Ненецкий (0,67), Ханты-Мансийский (0,61) автономные округа и Сахалинская область (0,6). Наименьший индекс имеют наименее развитые регионы: Республика Бурятия (0,48), Чеченская Республика (0,48), Республика Крым (0,48), Республика Ингушетия (0,47), Республика Алтай (0,46) и Республика Тыва (0,41).

Наибольший интерес представляет группа регионов, которые при высоких значениях комплексного индекса инклюзивного роста в 2016 г.

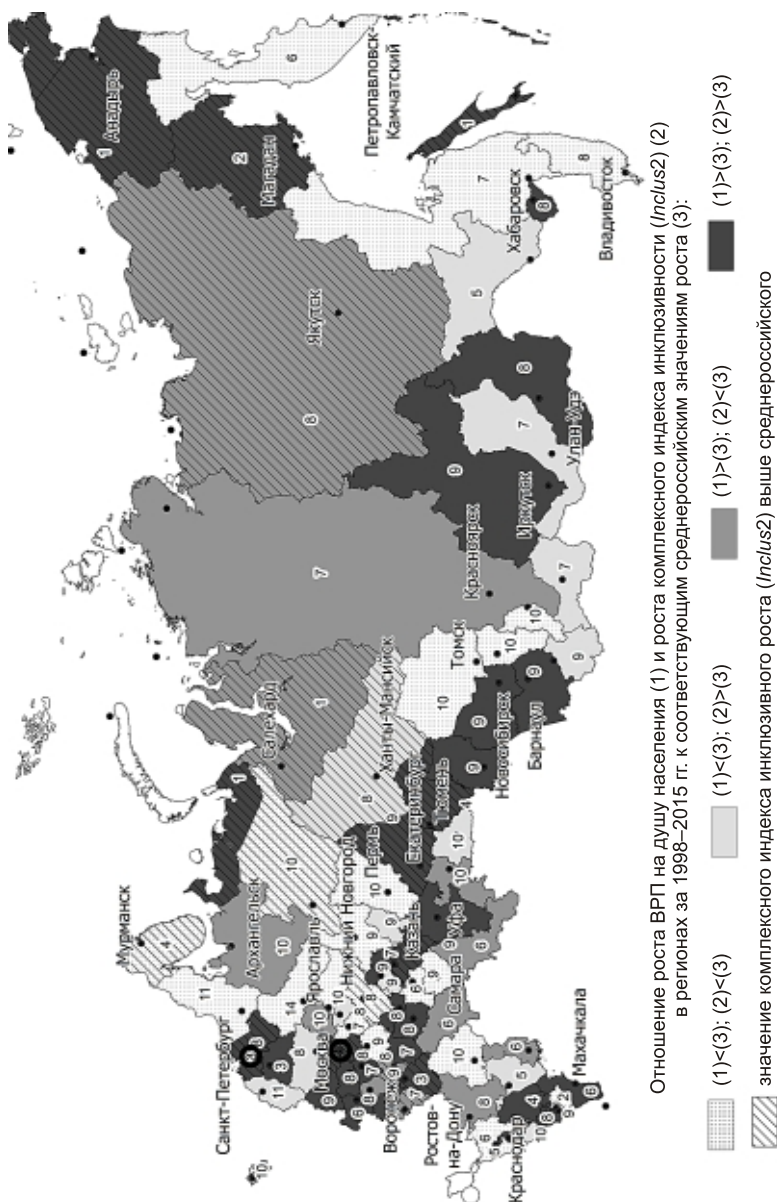

Рис. 6. Группы регионов по соотношению динамики роста индекса инклюзивности (*Inclus2*) и ВРП на душу населения

Цифры означают число лет, на которые регион отброшен в 2015 г. по комплексному индексу инклюзивного роста (*Inclus2*)

Расчеты по Республике Крым и г. Севастополю не приводятся из-за отсутствия ряда индикаторов

(см. рис. 6) в 1998–2015 гг.¹⁶ добились значений роста ВРП на душу населения и индекса инклюзивности (*Inclus2*), превышающих среднероссийские. Несколько из них связаны с добычей полезных ископаемых: Ненецкий и Чукотский автономные округа, Сахалинская и Магаданская области. Но большинство использовали преимущества высокой концентрации человеческого капитала и диверсифицированной экономики крупнейших агломераций: г. Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Тюменская область (в последнем случае также значима близость к нефте- и газодобыче). В среднем по группе при разворачивании неблагоприятных тенденций после 2013 г. значения комплексного индекса инклюзивного роста вернулись к значениям шести-семилетней давности (2008–2009 гг.). Для сравнения: по всем регионам России произошел возврат к значениям 2007 г.

Вторая группа регионов характеризуется высокими темпами роста экономики, но недостаточными темпами увеличения индекса инклюзивности (*Inclus2*), т.е. рост в них происходил за счет будущих поколений и повышалось неравенство. В среднем по группе комплексный индекс инклюзивного роста снизился до значений семилетней давности. Преимущественно это регионы, зависящие от одной или нескольких сырьевых отраслей, имевших благоприятную конъюнктуру: Республика Саха (алмазы, газ), Ямало-Ненецкий автономный округ (газ), Астраханская и Оренбургская области (газ). Положительные экстерналии в другие сектора от добычи полезных ископаемых ограничены, что привело к слабым темпам роста социальных и экологи-

¹⁶ Мы рассматриваем период 1998–2015 г., так как именно 2015 г. был годом наибольшего падения индекса инклюзивного роста начиная с 2007 г., а нам в соответствии с гипотезой необходимо было понять, как экономический рост повлиял на устойчивость региона.

ческих характеристик. Есть в этой группе и регионы с относительно диверсифицированной экономикой: Архангельская, Челябинская, Белгородская, Липецкая, Ярославская области, Красноярский край.

Третья группа представлена менее развитыми регионами, где отмечались низкие темпы экономического роста, при этом активно привлекалось федеральное финансирование для решения социальных задач. Фактически эти регионы выиграли от внедрения перераспределительной системы в наибольшей степени. Это Удмуртская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Амурская, Тверская, Псковская, Ивановская области. Однако и риски такого развития выше: по индексу инклюзивного роста эти регионы вернулись к значениям 2007 г.

В четвертой группе представлены регионы, которые развивались низкими темпами как с точки зрения подушевого ВРП, так и с точки зрения индекса инклюзивности (*Inclus2*). В этой категории выделяются регионы с максимальной уязвимостью к внешним шокам (индекс инклюзивного роста соответствует значениям 10–14-летней давности). Это, во-первых, регионы Нечерноземья, потерявшие человеческий капитал в сельской местности, – Вологодская, Псковская, Томская области, Республика Карелия, во-вторых, регионы угледобычи,

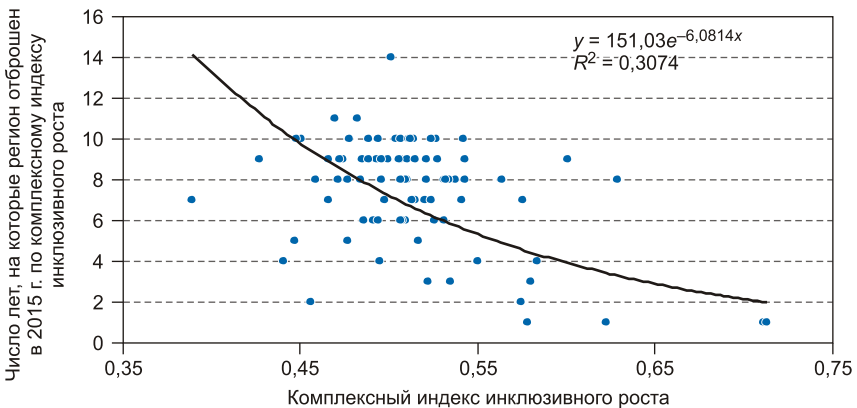

Рис. 7. Зависимость между комплексным индексом инклюзивного роста и уязвимостью региона к внешним шокам

не сумевшие диверсифицировать экономику, – Кемеровская область, Республика Коми и, в-третьих, регионы с крупными отстающими агломерациями [4; 6] – Пермский край, Волгоградская область.

Наши расчеты в некоторой степени подтверждают гипотезу, что чем выше индекс инклюзивного роста региона, чем ниже в нем социальные и экологические риски, тем выше его устойчивость к внешним шокам (рис. 7). Заметим, что такой зависимости от начального уровня регионального развития (индекс инклюзивного роста в 1998 г.) не наблюдается.

* * *

Актуализация повестки устойчивого развития на уровне большинства стран мира диктует необходимость корректировки понимания и измерения прогресса на уровне стран и регионов. Развитие предполагает не только экономический рост, связанный главным образом с выпуском товаров и предоставлением услуг, но и учет положения всех членов общества, включая наиболее уязвимые группы и будущие поколения, а также понимание необходимости защиты окружающей среды, сохранения экосистем, противодействия изменениям климата. Поэтому для анализа инклюзивного роста не подходят только традиционные показатели экономического роста.

Подсчет индекса инклюзивного роста для регионов России подтвердил нашу исходную гипотезу, так как в целом региональный рост за счет созданной в стране бюджетной перераспределительной системы сопровождался снижением социальных и экологических рисков в период высоких цен на нефть. Но в ряде регионов наблюдалось существенное отставание социальных характеристик от среднерегиональных значений экономического роста. В тех регионах, где экономический рост сопровождался положительными экстерналиями в социальную и экологическую сферы, сформировалась менее уязвимая к внешним шокам социально-экономическая система, что подтверждает нашу вторую гипотезу.

Предлагаемая авторами система индикаторов относительно проста, основана на доступных данных, поэтому может использоваться для мониторинга социально-экономического развития регионов.

Список источников

1. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: экономика, общество, природа. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 201 с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. – М.: АЦ при Правительстве РФ, 2016.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации: Экологические приоритеты для России / Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. – М.: АЦ при Правительстве РФ, 2017.
4. Жихаревич Б.С., Русецкая О.В. Колебания в относительной динамике развития региональных центров России в 2003–2013 годах // Известия Русского географического общества. – 2017. – Т. 149, № 6. – С. 75–95.
5. Земцов С.П., Комаров В.М. Формирование экономики знаний в регионах России в 1998–2012 гг. // Инновации. – 2015. – № 10 (204). – С. 40–49.
6. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
7. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 6–27.
8. Коробицын Б.А. Устойчивость регионов УрФО к экономическим потрясениям и кризисам: медико-демографические и экологические аспекты // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 790–801.
9. Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. и др. Пределы роста. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.
10. Новый взгляд на богатство народов: Индикаторы устойчивого развития: пер. с англ. / Диксон Д., Бэкес Ж., Гамильтон К. и др. – М. Весь мир, 2003. – 130 с.
11. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 265 с.
12. Anand R., Mishra M., Peiris S. Inclusive growth: Measurement and determinants / IMF Working Paper. – 2013.
13. Boarini R., Murtin F., Schreyer P. Inclusive growth: The OECD measurement framework // OECD Statistics Working Papers. – 2015. – Vol. 2015, No. 6.
14. Boschma R. Towards an evolutionary perspective on regional resilience // Regional Studies. – 2015. – Vol. 49, No. 5. – P. 733–751.
15. Bristow G., Healy A. Regional resilience: an agency perspective // Regional studies. – 2014. – Vol. 48, No. 5. – P. 923–935.
16. Chen D., Dahlman C. The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations. – Washington: The World Bank, 2005.
17. Cobb C.W., Cobb J.B. The Green National Product: A Proposed Index of Sustainable Economic Welfare. – Lanham: University Press of America, 1994.
18. Cobb C., Halstead T., Rowe J. The Genuine Progress Indicator: Summary of Data And Methodology. – San Francisco: Redefining Progress, 1995.

19. *Davies S.* Regional resilience in the 2008–2010 downturn: comparative evidence from European countries // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. – 2011. – Vol. 4, No. 3. – P. 369–382.
20. *Giannakis E., Bruggeman A.* Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece // *Papers in Regional Science*. – 2017. – Vol. 96, No. 3. – P. 451–476.
21. *Helliwell, J., Layard, R., Sachs, J.* (Eds.). *World happiness report 2018*. – N.Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2018.
22. *Ianchovichina E., Lundström S.* Inclusive Growth Analytics: Framework and Application / *World Bank Policy Research Working Paper 4851*. – N.Y., 2009.
23. *Müller B.* Urban and regional resilience: A new catchword or a consistent concept for research and practice? // *German Annual of Spatial Research and Policy 2010*. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2011. – P. 1–13.
24. *Sen A.* *Human Development Index: Methodology and Measurement*. – N.Y., Human Development Report Office, 1994.

Информация об авторах

Баринова Вера Александровна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией исследований проблем предпринимательства, заместитель директора центра экономического моделирования энергетики и экологии Института прикладных экономических исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1, e-mail: barinova@ier.ru); заведующая лабораторией инновационной экономики Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (125993, Москва, Газетный пер., 3-5, стр. 1).

Земцов Степан Петрович (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследований проблем предпринимательства Института прикладных экономических исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1, e-mail: spzemtsov@gmail.com); заведующий лабораторией статистики малого и среднего предпринимательства Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (119285, Москва, ул. Пудовкина, 4а).

DOI: 10.15372/REG20190102

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 1 (101), p. 23–46

V.A. Barinova, S.P. Zemtsov

INCLUSIVE GROWTH AND REGIONAL RESILIENCE IN RUSSIA

The article presents a methodology for inclusive growth assessment in the Russian regions by building an appropriate comprehensive index. We seek to understand how years of economic growth, based on high energy prices, have reduced inequality, poverty and environmental pressures in the regions, and what trends have emerged in recent years. The article shows that a number of the most developed regions have significantly improved their performance, e.g. Leningrad, Tyumen, Kaluga, Voronezh and Moscow Oblasts, the Republic of Tatarstan, St. Petersburg, especially in the field of longevity, income, reducing the environmental burden. But in the period from 2012 to 2015, the value of the inclusive growth index in Russia fell to the level of 2007, and its differentiation between regions has increased dramatically. Accordingly, the results of a decade work to improve the sustainability and equity of regional development have been partially nullified. In 2016, the index recovered to the level of 2011. For policy recommendations, it is important that the regions, where economic growth was accompanied by positive externalities in social and environmental sectors, were more resilient to external shocks. The developed index makes it possible to assess the dynamics and differentiation of socio-economic development of regions in terms of sustainability and inclusiveness.

Keywords: sustainable development; social development; environmental development; inequality; sustainability; incomes

References

1. Bobylev, S.N. (2008). Indikatory ustoychivogo razvitiya: ekonomika, obshchestvo, priroda [Indicators of Sustainable Development: Economy, Society, Environment]. Moscow, MAKSS Press, 201.
2. Bobylev, S.N. & L.M. Grigoryev (Eds.). (2016). Doklad o chelovecheskom razviti v Rossiyskoy Federatsii [Human Development Report for the Russian Federation]. Moscow, Analytical Center for the Government of the Russian Federation Publ.
3. Bobylev, S.N. & L.M. Grigoryev (Eds.). (2017). Doklad o chelovecheskom razviti v Rossiyskoy Federatsii: Ekologicheskie priorityety dlya Rossii [Human Development Report for the Russian Federation: Ecological priorities for Russia]. Moscow, MAKSS Press.

lopment Report for the Russian Federation: Russia's Environmental Priorities]. Moscow, Analytical Center for the Government of the Russian Federation Publ.

4. *Zhikharevich, B.S. & O.V. Rusetskaya.* (2017). Kolebaniya v otnositelnoy dinamike razvitiya regionalnykh tsentrov Rossii v 2003–2013 godakh [Fluctuations in the relative dynamics of development of Russia's regional centers in 2003–2013]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Izvestiya of the Russian Geographical Society], Vol. 149, No. 6, 75–95.

5. *Zemtsov, S.P. & V.M. Komarov.* (2015). Formirovanie ekonomiki znaniy v regionakh Rossii v 1998–2012 gg. [Knowledge economy formation in Russia's regions in 1998–2012]. *Innovatsii* [Innovation], 10 (204), 40–49.

6. *Zubarevich, N.V.* (2010). Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitала [Cities as the centers for the modernization of the economy and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 5, 5–19.

7. *Zubarevich, N.V.* (2014). Regionalnoe razvitiye i regionalnaya politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]. *EKO*, 4, 6–27.

8. *Korobitsyn, B.A.* (2016). Ustoychivost regionov UrFO k ekonomicheskim potryaseniyam i krizisam: mediko-demograficheskie i ekologicheskie aspekty [Stability of regions UrFO to economic shocks and crises: demographic and health and environmental aspects]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], Vol. 12, No. 3, 790–801.

9. *Meadows, D.H., J. Randers & D.L. Meadows.* (1991). Predely rosta [The Limits to Growth]. Moscow, Moscow State University Publ., 208.

10. *Dixon, J., J. Bakkes, K. Hamilton et al.* (2003). Novyy vzglyad na bogatstvo narodov. Indikatory ekologicheski ustoychivogo razvitiya [Expanding the Measure of Wealth. Indicators of Environmentally Sustainable Development]. Moscow, Ves mir Publ., 130.

11. *Stiglitz, J., A. Sen & J.P. Fitoussi.* (2016). Neverno otsenivaya nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla [Mis-measuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 265.

12. *Anand, R., S. Mishra & S. Peiris.* (2013). Inclusive Growth: Measurement and Determinants. IMF Working Paper.

13. *Boarini, R., F. Murtin & P. Schreyer.* (2015). Inclusive Growth: The OECD Measurement Framework. OECD Statistics Working Papers, Vol. 2015, No. 6, 0–1.

14. *Boschma, R.* (2015). Towards an evolutionary perspective on regional resilience. *Regional Studies*, Vol. 49, No. 5, 733–751.

15. *Bristow, G. & A. Healy.* (2014). Regional resilience: an agency perspective. *Regional Studies*, Vol. 48, No. 5, 923–935.

16. *Chen, D. & C. Dahlman.* (2005). The knowledge economy, the KAM methodology and World Bank operations.

17. *Cobb, C.W. & J.B. Cobb.* (1994). The green national product: a proposed index of sustainable economic welfare.

18. *Cobb, C., T. Halstead & J. Rowe.* (1995). The genuine progress indicator: summary of data and methodology. San Francisco, Redefining Progress.

19. *Davies, S.* (2011). Regional resilience in the 2008–2010 downturn: comparative evidence from European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 4, No. 3, 369–382.
20. *Giannakis, E. & A. Bruggeman.* (2017). Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*, Vol. 96, No. 3, 451–476.
21. *Helliwell, J., R. Layard & J. Sachs.* (2018). World happiness report 2018. Sustainable Development Solutions Network.
22. *Ianchovichina, E. & S. Lundström.* (2009). Inclusive growth analytics: Framework and application. World Bank Policy Research Working Paper 4851. New York.
23. *Müller, B.* (2011). Urban and regional resilience – A new catchword or a consistent concept for research and practice? *German Annual of Spatial Research and Policy* 2010. Berlin, Heidelberg, Springer, 1–13.
24. *Sen, A.* (1994). Human Development Index: Methodology and Measurement. New York.

Information about the authors

Barinova, Vera Aleksandrovna (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Head of Laboratory for the Research of Entrepreneurship Problems, Deputy Director of the Center for Economic Modeling of Energetics and Ecology, the Institute of Applied Economic Research, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia, e-mail: barinova@iep.ru); Head of Laboratory of Innovative Economy at Gaidar Institute for Economic Policy (bld. 1, 3-5, Gazetny In., Moscow, 125993, Russia).

Zemtsov, Stepan Petrovich (Moscow, Russia) – Candidate of Sciences (Geography), Senior Researcher at the Laboratory for the Research of Entrepreneurship Problems, the Institute of Applied Economic Research, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia, e-mail: spzemtsov@gmail.com); Head of Laboratory for the SME Statistics at Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation (4a, Pudovkin st., Moscow, 119285, Russia).

Поступила в редколлегию 09.06.2018.

После доработки 20.07.2018.

Принята к публикации 26.10.2018.

© Баринаова В.А., Земцов С.П., 2019